

Государственная
Библиотека
СССР
им. В. И. Ленина

п 798-62

Жр
26328

№ 22-й.

1910 г.

10 іюня.

Четвергъ.

ПРИБЫВШІЕ НА ГАЗЕТЪ "МОСКОВСКІЙ ЛИСТОКЪ"

РАЗВЛЕЧЕНІЕ

Изданія 52-й годъ.

— Ця погода великолѣпная, и мѣстность красивая, и солнце свѣтитъ жаркѣе, а вы, Ольга Петровна, холодны, какъ ледъ!..
— „Ледъ“ женщины таетъ не отъ красоты природы, а отъ красоты и занимательности спутника, Мардарій Ильичъ!..

- Вы кого это здѣсь ждете, милѣйшій муженекъ?
- Тебя, мой ангель...
- Какъ?.. Но почему-же вы знали, что я сюда приду?
- Да потому, что всегда бываешь тамъ, гдѣ тебѣ не слѣдуетъ...

- Вы, сударыня, ждете кого-нибудь или думаете о чемъ?
- И жду, и думаю...
- Кого и о чемъ?
- Жду мужа, а думаю о томъ, какъ онъ поступитъ съ пристающимъ ко мнѣ нахаломъ...

АГЕНТЪ.

(Картинка).

Тихо, пустынно и прохладно въ большомъ магазинѣ готового платья на Тверской.

Покупатель уѣхалъ на дачу, покупатель путешествуетъ по Волгѣ, по Кавказу, а если живетъ и въ Москвѣ, такъ ему теперь ничего не надо: лѣтній сезонъ наступилъ, все нужное куплено, а до осеняго еще далеко.

Хозяинъ магазина сидитъ за прилавкомъ и читаетъ газету, читаетъ невнимательно, лѣниво, проглядывая второй и третій разъ одну и ту-же замѣтку. Два приказчика въ уютномъ уголкѣ за кипю товара играютъ въ шашки и тихонько переругиваются другъ съ другомъ, тихонько насмѣхаются одинъ надъ другимъ, но имъ тоже невесело, и игра то-и-дѣло прерывается громкимъ звѣнкомъ.

Лавочный мальчикъ приткнулся въ другомъ уголкѣ, ловить мухъ и обрываетъ имъ крылья.

Вдругъ дверь открывается и входятъ „покупатель“.

Бросаетъ газету хозяинъ магазина, оставляютъ шашки приказчики, причемъ одному изъ нихъ только-что предстоялъ выходъ въ „дамки“; мальчишка выпускаетъ пойманную муху и стремглавъ бросается на середину лавки.

Вошелъ господинъ лѣтъ двадцати пяти, чистенькій, черненькій, юркій и проворный. На немъ дешевенькій, но свѣженькій лѣтній костюмчикъ съ бѣлымъ жилетомъ, по жилету извивается поперекъ груди огромная, ярко блестящая, но несомнѣнно мѣдная, вызолоченная пѣпочка съ какими-то подвѣсочками и жетончиками. На галстукѣ пѣвга бордо сверкаетъ „бриллиантъ“, величиною съ крупный лѣсной орѣхъ,—такой бриллиантъ, который, будь онъ настоящимъ, стоилъ-бы нѣскольکو тысячъ, но,—увы!—онъ не настоящій и даже не „Тотъ“, а просто сфабрикованный изъ хрустала. Въ рукахъ у господина портфель.

— Здравствуйте!—привѣтствуетъ онъ хозяина, снимая соломенную шляпу.

— Мое почтеніе-съ,—вѣжливо, ласково и искательно отвѣчаетъ хозяинъ.—Чѣмъ прикажете служить?

— Вы хозяинъ этого магазина?—весь распыляясь въ очаровательную улыбку, задаетъ вопросъ вопедный.

— Такъ точно...

Господинъ открываетъ портфель и начинаетъ что-то искать въ немъ. Лицо хозяина изъ радостнаго дѣлается разочарованнымъ; приказчики слегка отступаютъ въ глубину лавки; мальчишка, видя, что съ посѣтителя не пужно снимать пальто, отходить въ свой уголъ и начинаетъ опять заниматься ловлею мухъ.

— Я—агентъ новаго изданія, самаго новѣйшаго ежедневнаго изданія, которое имѣетъ выйти въ свѣтъ въ половинѣ этого мѣсяца,—начинаетъ посѣтитель, доставая изъ портфеля какіе-то листы.—Я пришелъ къ вамъ...

— Намъ-съ этого не требуется,—перебиваетъ хозяинъ и плетется за прилавокъ.

— Но вы не изволили выслушать меня,—еще болѣе очаровательно улыбаясь, продолжаетъ посѣтитель.—Предполагаемое изданіе, подъ заглавіемъ „Вѣсти Мира“, должно представить изъ себя...

— Намъ не требуется-съ,—опять перебиваетъ хозяинъ, садится и беретъ газету.

— Я тѣмъ не менѣ сообщу вамъ нѣкоторыя подробности,—говоритъ посѣтитель и подходитъ къ прилавку.—Если вы дадите публикацію въ наше изданіе, то изданіе...

— Намъ не требуется-съ!—уже съ замѣтнымъ раздраженіемъ говоритъ хозяинъ и мнетъ газету.—Мы никакихъ публикацій не даемъ, у насъ есть для этого мѣста... До свиданія-съ, намъ некогда-съ, у насъ дѣла-съ...

— „Вѣсти Мира“ даетъ публикаторамъ огромныя льготы... Первый номеръ нашего изданія будетъ напечатанъ въ количествѣ ста тысячъ экземпляровъ...

Хозяинъ магазина бросаетъ газету, встаетъ, сжатыми кулаками опирается на прилавокъ и смотритъ на посѣтителя совершенно такъ, какъ смотритъ въ Зоологическомъ саду тигръ, если слишкомъ близко подходятъ къ его клѣткѣ.

— Намъ не тре-бу-ет-ся!—по-змѣнному лишишь хозяинъ.—Вы уходите-ся!.. Я человекъ полнокровный, мнѣ вредно волноваться, со мною ударъ можетъ быть, а я удара не желаю-съ и ужъ лучше... лучше другого кого-нибудь ударю!.. Уходите, господинъ!.. Десятки, сотни, тысячи такихъ дьяволовъ ходятъ къ намъ ежедневно и пьютъ изъ насъ кровь...

Посѣтитель радостно улыбается.

— Но почему-же „дьяволовъ“?.. Я не отрицаю,—можетъ, къ вамъ приходили и „дьяволы“, но я пришелъ къ вамъ не ради

— Ты, Гриша, сюртуки или спинжаки больше любишь носить?
 — А что?
 — Да господа сегодня на Кавказъ ѣдутъ, такъ я не знаю, что тебѣ лучше оставить изъ баринова платья...

— Ты гдѣ, Мишка, на дачѣ?
 — Я нонѣ никуда не поѣхалъ, а разыгрываю по Москвѣ ролю мальчика, который потерялъ хозяйскіи деньги, — много выгодаѣ!..

своей пользы, не ради пользы изданія, во главѣ котораго стоятъ милліонеры, а пришелъ я ради вашей пользы... Ваша фирма намъ симпатична, и мы желали-бы, чтобы вы дали намъ публикацію... Вы выслушайте меня, вы посмотрите мои условія...

Хозяинъ хватается себя за волосы и стремглавъ уѣзжаетъ куда-то въ пѣдра магазина.

Агентъ, весело и радостно улыбаясь, подходитъ къ приказчикамъ.

— Господа, который изъ васъ старшій?—спрашиваетъ онъ.— Не будете-ли вы добры выслушать меня и просмотрѣть мои проспекты... Ваши хозяинъ немножко взволнованы сегодня, можетъ, ему нездоровится, такъ я желалъ-бы поговорить съ вами... „Вѣсти Мира“—изданіе, которое должно...

— Фукъ, да и въ „дамки“!—перебиваетъ одинъ приказчикъ, дѣлая ходъ.

— Это, Василій Терентьевичъ, не бѣда, что въ „дамки“, а вотъ, что вы будете дѣлать, ежели мы вотъ такъ сходимъ?.. Хе-хе-хе!.. Заперта „дамочка“—то ваша...

— Ничего, освободимъ!.. Вотъ такъ, кушайте вотъ эту шашечку...

— „Вѣсти Мира“—изданіе, которое зашьетъ, такъ-сказать, всю Россію... Публикація въ „Вѣстяхъ Мира“ принесетъ несомнѣнную пользу уже потому, что...

Приказчикъ, который пришелъ въ „дамки“, встаетъ, отодвигаетъ шашечную доску и съ угрожающимъ видомъ двигается на посѣтителя.

— Вотъ что, черненькій,—начинаетъ онъ, скрипя зубами.— Вотъ что, анаеема, я вѣдь не хозяинъ, я церемониться съ тобою не буду!.. Слышишь?.. Уходи сію минуту, а то я возьму тебя за шиворотъ и прямо вышину въ дверь!..

Агентъ улыбается, словно ему подарили двѣсти тысячъ.

— Но вы не ознакомьтесь съ нашими проспектами,—продолжаетъ онъ.—„Вѣсти Мира“, во главѣ которыхъ стоятъ милль...

— Уйди!—звѣреетъ реветъ приказчикъ.—Я семейный человекъ, у меня жена молодая, двое дѣтей, за что ты меня подъ

калоргу подводишь?.. Вѣдь если тебя, подола, убить, такъ судить-то будутъ, какъ за убійство человека, а нешто можно стерпѣть и такого не ухлопать?.. Уйди!..

— Но, быть-можетъ, вы найдете нужнымъ ознакомиться съ проспектами; вотъ я вамъ сейчасъ покажу наши...

Приказчикъ, сдѣлавъ нечеловѣческое усиліе подавить бѣшенство, скрывается вслѣдъ за хозяиномъ.

— Можетъ, вы просмотрите мои проспекты?—съ очаровательною улыбкою спрашиваетъ агентъ у оставшагося приказчика.—Угодно вамъ просмотрѣть проспекты?..

— А я вотъ возьму штуку драпа да тебя ей и огрѣю, а въ штукѣ драпа-то полтора пуда!—отвѣчаетъ приказчикъ.—Вѣдь сказано тебѣ, что не нужно, такъ чего-же ты лѣзешь?..

— Но я долженъ сказать вамъ, что „Вѣсти Мира“—изданіе, которое...

— Ванька, посмотри, чтобы онъ не сляпсиль чего-нибудь!—кричитъ приказчикъ мальчику и уходитъ.

Агентъ улыбается, легкою, граціозною походкою идетъ къ мальчику и вручаетъ ему нѣсколько проспектовъ.

— Мальчикъ, отдай, милый, это хозяину, когда онъ успокоится, и скажи, что я завтра зайду...

Агентъ гладитъ мальчика по стриженной головѣ, треплетъ по щекамъ улыбается и выходитъ, направившись въ сосѣдній магазинъ съ мануфактурнымъ товаромъ.

Лордъ Ремингтонъ.

Записки сумасшедшаго.

Во дни сумасшедшей жары, въ мѣсяцъ „Мозгоразжиженія“, 489.

** Вчера нашъ философъ жаловался на головную боль.

Докторъ спрашиваетъ его:

— Что вы за голову держитесь?

— Да самъ не знаю, что такое тамъ у меня творится. Чувствую, что у меня въ головѣ какъ будто-бы что-то есть...

— Успокойтесь, у васъ въ головѣ ничего нѣтъ, иначе-бы вы здѣсь не сидѣли.

** У насъ въ тридцать седьмой палатѣ сидитъ одинъ изобрѣтатель.

Онъ уже семь лѣтъ трудится надъ изобрѣтеніемъ будильника, который-бы могъ будить совѣсть.

— Не удастся?

— Не удастся.

Говоримъ ему:

— Брось, человѣчество въ такомъ будильникѣ даже не нуждается.

Не вѣрить.

— Нужно,—говорить,—будить совѣсть въ человѣкѣ, нужно.

— Ахъ, кошечка, какая ты умная, что съѣла всю мою стряпню! Не съѣшь ты ее, такъ вѣдь могъ-бы скушать Поль, а я его здоровьемъ дорожу и не ему кушать стряпню курсетки кулинарныхъ курсовъ!..

Философъ сообразилъ и успокоился.

** Вчера слышали разговоръ двухъ барышень.

— Правда-ли, Нюша, что ты отказала Григорію Ивановичу?

— Правда... Да и не могло быть иначе... Это совершенно отсталый человѣкъ...

— Изъ чего-же ты убѣдилась?

— Я его спросила, что такое аэроплатъ и что такое аэропланъ, и вообрази мой ужасъ. Онъ не сумѣлъ объяснить мнѣ ни того, ни другого... Что-бы ты сдѣлала на моемъ мѣстѣ?

— Конечно-бы, тоже отказала...

Подите еговорите съ дуракомъ!

** На-дняхъ одинъ мясникъ пострадалъ за свое „остроуміе“

Зашла барыня въ мясную.

— Почему свиинна?

— Двадцать три копѣйки.

— Да вы съ ума сошли!

— Ничего не сошли...

— Да какая-же это у васъ особенная свиинья, что вы ее такъ дорого продаете?

— Это свиинья—барыня.

Барыня из себя вышла. Къ мировому. „Она меня свиной выругал“.

— Ругали?—спрашивает судья.

— Никакъ нѣтъ-съ... На вопросъ отвѣтилъ, что свиная потому дорога, что она барыня.

— Ну, почти обругали... Развѣ можно говорить: свиная—барыня...

— Такъ это значить, г. судья, я свиной обругалъ, назвавъ ее барыней.

Судья подумалъ, подумалъ и посадилъ мясника подъ арестъ.

5) Не покупай портфель раньше, чѣмъ назначатъ тебя министромъ.

6) Не спрашивайте жену о томъ, можетъ-ли она вамъ измѣнить. Женщины любопытны и могутъ начать пробовать.

** Вчера у насъ судомойка говорила:

— Деревенскія дѣти не чета городскимъ. По второму году они ужъ помогаютъ родителямъ.

— Экъ хватила!—говоритъ ей докторъ.—Да по второму году ребенокъ и говорить-то не можетъ, только-только что ходить начинаетъ.

— Папа, идите нѣсколько подальше и дѣлайте видъ, что вы преслѣдуете насъ, — это подыметъ наши фонды и поощритъ другихъ...

** Изъ мыслей нашего философа:

1) Въ басняхъ часто люди разговариваютъ съ ослами; это и въ жизни нѣредко случается.

2) Изъ мухи слона можетъ сдѣлать только репортеръ.

3) Только человекъ доволенъ, когда „идетъ въ гору“, лошади этому никогда не радуется.

— Пьяницу только въ деревнѣ зовутъ пьяницей, въ столичныхъ городахъ онъ алкоголикъ.

— Ну, вотъ-вотъ. Началъ ходить, его и посылаютъ по-миру... Какъ-же онъ не помощникъ родителямъ?

** Охотникъ ѣдетъ въ поѣздѣ; входитъ контролеръ.

Охотнику говорятъ:

— Это вашъ коллега.

— Да ну?... Вѣдь это-же контролеръ.

— Вотъ-вотъ... Онъ охотится „за зайцами“.

— Да, вѣрно пишутъ въ газетахъ, что все идетъ худо изъ-за конституціи этой,—вотъ и рыба совсѣмъ не клюетъ!..

Съ неба свалившійся женихъ.

(Авіаціонная сьль).

Марья Ивановна Перышкина имѣла отъ роду, по ея словамъ, тридцать лѣтъ, по метрику же ей числилось тридцать пять лѣтъ.

Жила она въ своемъ очень маленькомъ имѣніи, лежащемъ на Окѣ. Жила и только и дѣлала, что о женихѣ мечтала.

Верстахъ въ двадцати пяти отъ Марьи Ивановны жилъ Иванъ Ивановичъ Пуховкинъ, помѣщикъ, неудачникъ-инженеръ, т.-е. человекъ, съ инженернаго дѣла ничего не нажившій, но унаслѣдовавшій отъ старухи-тетки крошечное имѣніе.

Жилъ онъ очень замкнуто и всегда занимался какими-то чертежами, вычисленіями, выкладками.

Перышкина не знала Пуховкина, Пуховкинъ не зналъ Перышкиной, хотя другъ о другѣ они слышали. Да и немудрено: странно-бы даже было, если-бы сосѣди хотя по фамиліямъ не знали другъ друга.

Перышкина, кромѣ мечты о женихѣ, занималась своимъ маленькимъ хозяйствомъ; Пуховкинъ за последнее время занялся моднымъ дѣломъ—авіаціей и отъ выкладокъ и вычисленій перешелъ къ чертежамъ, а потомъ велѣлъ очистить сарай и началъ строить по чертежамъ аэропланъ, гордо думая: „прославлю имя Пуховкина, когда самъ вдругъ буду летать, какъ пухъ“.

Онъ даже думалъ, что и фамилія дана ему судьбой неспроста.

Стали говорить по деревнямъ, что помѣщикъ скоро полетитъ, что у него почти готова какая-то машина на-манеръ птицы.

— Вотъ только обсыплеть ее перьями и полетитъ.

Это сообщали другъ другу бабы.

Мужики говорили:

— Только покелева одного винта не хватаетъ.

Интеллигенты смѣялись:

— Да, не хватаетъ винта, но только въ головѣ.

Но Пуховкинъ шелъ твердо къ намѣченной цѣли: на послѣдніи деньгъ выписалъ нужный для него моторъ и, потирая руки, говорилъ:

— Еще недѣля, и весь міръ заговоритъ о Пуховкинѣ...

И вотъ наступилъ высокаторжественный день.

Растворился сарай, и летательная машина была извлечена съ необычайною осторожностью на свѣтъ Божій.

Пуховкинъ распоряжался и кричалъ:

— Дѣтей не подпускайте, схватятъ за что-нибудь, испортятъ!

Дѣтей отгоняли.

Бабы говорили:

— А сказывали, что машина-то въ перьяхъ, а хоша-бы одно перышко...

Повезли чудодѣйственную машину на колесикахъ на дорогу.

Мальчишки скакали впереди, мужики шли съ боковъ, и только бабы да дѣвки жались другъ къ другу и держались поодаль.

Вотъ „птица“ на дорогѣ, моторъ заработалъ, Пуховкинъ снимаетъ свою форменную фуражку и кричитъ:

— Лечу!

— А ты лобъ-то сперва перекрести!

Аэропланъ бѣжитъ по дорогѣ, бѣгутъ мужики, придерживая его; вдругъ команда: „Отступись!“.

Аэропланъ бросили. Онъ пробѣжалъ нѣсколько сажень и вдругъ „взмыль“ и поплылъ въ воздухѣ.

Толпа на мгновение замерла и начала креститься. Затѣмъ закричали „ура!“, побѣжали по полю, надъ которымъ несся аэропланъ, забирая все выше и выше. Вдругъ онъ скрылся изъ вида.

— Экій лѣшій!—поощрялъ кто-то.

— Лѣшій и есть... Остается, стало-быть, ему эту машину изломать...

— За что?

— А не летай, коли тебѣ это отъ природы не показано.

— Куда-бы мнѣ, батюшка, подать прошеніе о пособіи?

— Куда вамъ уголно, сударыня, а успѣхъ будетъ зависѣть отъ размѣра гонорара, который вы заплатите мнѣ, ибо я обладаю даромъ трогать сердца всѣхъ министровъ!..

Через несколько часов пришло известие, что Пуховкинъ свалился; „птица“ разбита вдребезги.

И странно: известие было принято чуть не съ радостью. Значитъ, мужики хотя и кричали „ура“, но въ душѣ были согласны съ тѣмъ, кто доказывалъ необходимость сломать машину, чтобы „не летать, коли отъ природы это не показано“.

Что случилось съ аэропланомъ—Богъ вѣсть, но моторъ вдругъ пересталъ работать, и аэропланъ быстро полетѣлъ внизъ.

Судьба распорядилась такъ, что авіаторъ упалъ во дворъ къ Перышкиной.

Онъ-бы непременно расшибся, если-бы не случайность.

Въ это утро у Перышкиной была большая стирка и уборка въ домѣ.

Весь дворъ былъ затянута веревками для сушки бѣлья и провѣтриванія ковровъ.

И въ то время, когда аэропланъ шлепнулся на кровлю сарая, авіаторъ упалъ между двумя веревками въ провѣсы растянутого ковра и очутился точно въ люлькѣ.

Ни переломовъ, ни сотрясеній онъ не получилъ, все-же ударъ, хотя и о коверъ, былъ для Пуховкина чувствителенъ.

Произошелъ переполохъ.

Авіатора вынули осторожно изъ „люльки“ и перенесли въ домъ.

Перышкина уложила его на свою кровать, погнала за земскимъ докторомъ, дала ему валерьянки, положила на голову пузырь со льдомъ и приняла на себя обязанности сестры милосердія.

Пріѣхавшій докторъ, осмотрѣвъ пострадавшаго авіатора, никакихъ поврежденій у него не нашелъ, но предписалъ абсолютный покой.

Три недѣли пробылъ Пуховкинъ у Перышкиной.

Гостепріимство и сердечный уходъ сблизили ихъ.

Когда нужно было разстаться, они почувствовали, что въ разлукѣ нѣтъ надобности.

Онъ сдѣлалъ ей предложеніе, она съ радостью приняла его.

И на-дняхъ мечтавшая о замужествѣ старая дѣва вышла замужъ за жениха, свалившагося съ неба.

Маіоръ Бревновъ.

СОЛОВЬИ ПОЮТЪ.

Въ отсутствіе господъ лакей и горничная пьютъ чай на террасѣ дачи. Поздній вечеръ...

Вдали поютъ соловьи...

Лакей. Притихните малость, Дарья Тимофеевна, послушаемъ...

Горничная (немного погодя). Знаете, Маркель Маркельчъ, по-моему, ничего замѣчательнаго тутъ пѣть, щелкаетъ и щелкаетъ и больше ничего—вродѣ какъ хорошій воробей, только звончѣе...

Лакей (сниходятельно уемѣхнувшись). Это вамъ сразу не понять, Дарья Тимофеевна, потому вы изъ деревни недавно, невры-то у васъ еще деревенскіе, изъ хорошей прѣлки, ну, и эфтой самой мультипликаціи чувствъ не принимаютъ...

Горничная. Какой вы ученый!

Дворникъ 1-й. Ну, что, Кузьминчъ, какъ дѣла?

Дворникъ 2-й. Теперь ничего, лучше прежняго. Соловьи запѣли... А у насъ тутъ на всю дачную округу только около нашей дачи наружныя скамейки, ну, и дачниковъ, которые, конечно, на чай даютъ, и пуцаю безъ господъ на лавочкѣ-то посидѣть, послушать... Иной вечеръ мнѣ соловьи цѣлковыхъ полтора я насвищуть...

— Машенька, одинъ поцѣлуйчикъ!

— Подождите, нетерпѣливый! Слышите—соловьи перестали? Когда запоютъ, тогда можно, а то безъ соловьиного пѣнія это совсѣмъ некрасиво...

— Мамочка, я вчера весь вечеръ соловья въ аллеѣ слушала, и вообразите, кругомъ не было ни души!

— Какая жалость! Я убѣждена, что къ тебѣ очень идетъ соловьиное пѣніе...

— Барыня, дозвоьте соловья пойти послушать!

— Скажите, какія новости! Да онъ для тебя, мужички, и пѣть-то не станеть!

Молодой баринъ. Что, Акулина, вышла соловья послушать?

Кухарна. Да-съ! (Щелкаетъ подсолнухи).

Молодой баринъ. И я тоже...

Кухарна. Говорите—„и я тоже“, а сами руки распространяете! Очень даже стыдно. А еще скубенътъ прозываетесь!

Колокольчикъ.

Дачные купальщики.

(Сценка).

Жарко было въ концѣ мая, очень жарко было въ началѣ іюня, и господа дачники, а особенно госпожи дачницы купались въ своихъ рѣчкахъ, рѣчкахъ, ручьяхъ, прудахъ и лужахъ усиленно, часто, почти непрерывно.

Дачныя купальни брансь съ бою, и въ нихъ отъ раннего утра и до позднего вечера плескался народъ обоого пола и всякаго возраста, шумѣлъ, визжалъ, радовался и сердился.

Вотъ купальня въ густо-населенной дачной мѣстности.

Рѣчущка крохотная, воды въ ней по колѣно, а купаленъ великое множество, но и этого множества далеко не хватаетъ для того, чтобы удовлетворить потребности всѣхъ жаждущихъ купанья. На одну купальню приходится человѣкъ двадцать-тридцать желающихъ, и по-

- Ты на какую лошадь поставила, Зина?
- Не на какую.
- Такъ почему-же ты волнуешься?
- Ахъ, моя милая, да вѣдь играютъ мои поклонники!..

тому у купальни всегда народъ, всегда крики, ссоры и такъ-называемыя недоразумѣнія.

Подходитъ дама рѣшительнаго и энергичнаго вида, сопровождаемая горничной. Въ запертой купальнѣ слышатся визги, крики, раздаются плескъ грязной воды, а около купальни стоятъ и сидятъ въ ожиданіи очереди человѣкъ десять.

— Онятъ купальня занята?—спрашиваетъ подошедшая дама, не обращаясь ни къ кому въ особенности, и закиваетъ негодованіемъ.

Ожидающій народъ проницески смотритъ на нее.

— Скажите, пожалуйста, кто сейчасъ купается?—обращается дама къ одному изъ ожидающихъ дачниковъ.

— Барыня изъ четвертаго номера...

— И давно?

— Да, пошлутся ужъ больше получаю...

— Мнѣ моя то паведни и говорить: „каклеты нехороши“, а я ей: „а ты,—говорю,—хороша?.. Да на другой день еще хуже ей каклеты сострявала!.. Ихъ надо учить да и учить, Домнушка!..

— Но это-же возмутительно!—гнѣвно произноситъ дама.—Глафира, ступай скажи этимъ шлюхамъ, чтобы онѣ выходили!..

— Какъ-съ? Какъ вы назвали купающихся барышень?—подходить къ дамѣ толстенкѣй, коротенькѣй дачникъ въ русской рубашкѣ и въ широкополой соломенной шляпѣ.—Вы, милостивая государыня, поосторожнѣй, вотъ что-съ!.. Это мои дочери купаются и моя жена-съ, а я, милостивая государыня, на государственной службѣ состою и плачу за дачу не какіе-то жалкіе сто рублей, какъ вы, а двѣсти съ четвертью-съ!.. Вы не имѣете никакого права такъ говорить... Вы!..

— Да что ты на меня лѣзешь, какъ шантеклеръ какой-нибудь, а?—еще болѣе закипаетъ дама.—Какой еще выискался!.. Коротынь, на арбузъ похожъ, а туда-же ибѣтунится!.. Почему я знала, что тамъ твои дочки вандаются? Если это твои дочки, такъ скажи имъ, что свинство занимать купальню цѣлый часъ въ то время, когда другіе очереди ждутъ!..

— Господа, да что-же это такое, а?—обращается толстенкѣй господинъ къ окружающей публикѣ.—Сперва она моихъ дочекъ шлюхами назвала, а теперь меня „тыкаетъ“ и кричитъ на меня, какъ на послѣдняго дворника!.. Вы забываетесь, милостивая государыня, я не позволяю вамъ, я... я... я...

— Свинья!—прерываетъ энергичная дама.

— Что-о-о-о?..

— А вотъ то-съ!.. Я, братъ, не изъ робкихъ, я укрощала и не такихъ, а будешь на меня наскакивать, такъ выкупаешься не въ очередь,—возьму вотъ за шиворотъ да и швырну въ рѣку!..

— Артамонъ Ильичъ, пана, паночка, Артамоша!—раздаются гребожные голоса изъ купальни.—Не трогай ее, отойди отъ нея!..

— Отойди отъ нея, Артамоша!—покрываетъ все голоса обаянный, тревожный голосъ изъ купальни.—Это „Козыриха“ изъ седь-

мого номера,—она троихъ мужей уморила, она въ прошломъ году дворника до крови избилла, чуть младенца у дачевладѣльца не утопила!..

Толстенкѣй господинъ съ ужасомъ смотритъ на энергичную даму и пятится отъ нея.

— И и васъ всехъ перетоплю еще!—кричитъ дама по направлению къ купальнѣ.—Я въ Пушкинѣ жила, такъ одного доктора укротила, а докторъ-то этотъ двѣнадцать лѣтъ на все Пушкино страхъ наводитъ, сорокъ семь велосипедистовъ искалѣчилъ... Съ меня взятки гладки, и ничего не боюсь, отъ меня все становые пристава бѣгаютъ... Купайтесь скорѣй да выходите, а то я дверь вышибу и всехъ васъ изъ купальни крапивою выгоню!..

Плескъ воды и визги умоляютъ въ купальнѣ, слышенъ оттуда шелестъ одеждъ, и вотъ черезъ нѣсколько минутъ выходятъ три барышни, сопровождаемыя мамашею, которая оберегаетъ ихъ, какъ насѣдка своихъ цыплятъ. Толстенкѣй панаша присоединяется къ нимъ, и все они вмѣстѣ удаляются, робко поглядывая на энергичную даму.

— Чья очередь, господа?—спрашиваетъ одинъ изъ ожидающихъ.

— Ивана Парфеновича,—отвѣчаютъ дачники.—Иванъ Парфеновичъ, идите, батюшка, купайтесь, да не задерживайте, пожалуйста!..

— Ну, Иванъ Парфеновичъ можетъ и подождать!—объявляетъ энергичная дама и шествуетъ по мосткамъ.—Иванъ Парфеновичъ хоть и мозглякъ, а все-же мужчина, а я дама, дамѣ-же всегда дается преимущество... Глафира, ступай, носи полотенце и тазъ!..

Дама скрывается въ нѣдрахъ купальни, а Иванъ Парфеновичъ отступать въ сторону и только затылокъ себѣ чешетъ.

— Ну, и баба!—говоритъ онъ, покачивая головою.—Вотъ такъ особа, вотъ такъ дама!..

— Жаль, что на эту даму не найдется туза, который, какъ извѣстно, и даму бьетъ!—замѣчаетъ одинъ изъ дачниковъ, но замѣчать не очень громко.

Все оставшіеся усаживаются, отыскивая тѣнь подъ прибрежными ивами, а энергичная дама уже бросилась въ воду, и слышно, какъ она ухаетъ и гогочетъ!..

Комарь.

Не ко двору.

— Ахъ, бриллиантовая моя, какого женишка я тебѣ принасла, то-есть понимаешь, желе, а не женихъ,—красавецъ, глазъ огневой, такъ до пятки и прокижетъ, плечи не какія-нибудь портновекія, а собственные!..

— Да ты, Саввишна, скорѣй про дѣло-то—какіе капиталы, чѣмъ торгуешь и все прочее!..

— Торговать-то онъ, милая, ничѣмъ не торгуешь, а музыкантъ онъ,—на ударныхъ инструментахъ играть.

— Ты что-же это, Саввишна, бѣлены, что-ли, обѣлася? Въ нашъ домъ идешь съ такимъ женихомъ? Женихъ, неровень часъ, за закускую перебить да начнеть эфти самые удары тутъ показывать, такъ что тутъ будетъ? Небось, знаешь, что „самъ“-то у меня тоже человѣкъ горячій!..

Чхи-чи.

Жара.

— Что ты пишешь теперь?

— Да ничего: понимаешь, такая жара, что даже мысль высыхаетъ!..

Ежикъ.

Изданіе Т-ва Н. И. Пастухова.

Редакторъ О. К. Ивановъ.

<p>НОВОСТИ ОТЪ ЗАГАРА МЫЛО ЖЕРМЕНЪ</p> <p>Интюшимъ веснушки, угри и вообще не чистое и блѣлое лицо слѣдуетъ, освѣживши лицо чистой водой, умываться этимъ мыломъ утромъ и вечеромъ. Цѣна на сил. П. Виноградовъ, Москва. Рождественск. д. № 2, не менѣе 1/2 дюж. 1 р. 50 к., перес. наложн. и атом. Трѣбовать на чистѣ № свид. 3131.</p>	<p>ПРОДАЖ. БЕЗЪ ДАВЛЕНІЯ</p> <p>11.104.0</p>	<p>ЗУБНЫЯ КАПЛИ</p> <p>Провизора А. СТЕПАНОВА.</p> <p>МОМЕНТАЛЬНО УСПОКАИВАЮТЪ ЗУБНУЮ БОЛЬ.</p> <p>Продажа всездѣ. Цѣна 1/2 фл. 30 к. 1 фл. 50 к.</p> <p>Обращать вниманіе на стеклянную надпись на флаконѣ „Зубныя капли провизора А. Степанова“ и собственноручную подпись на этикетѣ коробки. Гл. скл. Москва, Тихвинская, апт. магаз. А. Степанова.</p> <p>12653,1,0</p>
--	--	--

Ресторанъ „ЯРЪ“.

ЕЖЕДНЕВНО

НЕБЫВАЛАЯ ГРАНДИОЗНАЯ ПРОГРАММА

25 НОМЕРОВЪ.

Начало въ 10¹/₂ часовъ вечера.